

© 2004 г. И.-Э.С. РАХМАНКУЛОВА

К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ

В большинстве отечественных и зарубежных исследований по славянским языкам различают два продуктивных вида – совершенный (*perfectiv*) и несовершенный (*imperfectiv*). [ГСРЛЯ 1970: 337–338; СРЯ 1952: 309; Виноградов 1947. 492, Богородицкий 1935: 168–169; Бондарко 1971. 21–42; Бондарко 1983: 116–117; Булаховский 1952: 176; Маслов 1955: 28; Andersson 1972: 200–201; Leskien 1914: 460; Koschmieder 1929: 78]. Большая часть отечественных и зарубежных славистов придерживается той точки зрения, что значения определенности, неопределенности, повторяемости для несовершенного действия, значения однократности, окончания, начала, ограниченности для совершенного действия являются не отдельными видовыми категориями, а только оттенками в значении несовершенного и совершенного вида. Так, А.В. Бондарко считает, что система аспектуальности предполагает возможность выражения и таких тончайших нюансов характера протекания действия в русском языке, которые могут и не передаваться абсолютно адекватно при переводе на другие языки [Бондарко 1983: 117].

Сложным вопросом в славистике является вопрос категориального содержания вида. Но во многих исследованиях по славянским языкам можно найти такую формулировку категориального содержания совершенного и несовершенного вида, которая грешит некоторой нечеткостью. И в грамматике русского языка издания АН СССР, и в грамматике русского языка МГУ, и в трудах В.В. Виноградова, А. Лескина, и у некоторых других лингвистов основным категориальным значением совершенного вида считается значение предела, как основное категориальное содержание несовершенного вида постулируется отсутствие значения предела. Но если мы возьмем определения, которые даются категории вида в упомянутых выше трудах, то мы сможем убедиться, что здесь в понятие совершенного вида входит не преодоление действием своего предела, а только довольно неясно выраженное отношение к этому пределу. Так, в грамматике русского языка издания АН СССР категория глагольного вида определяется следующим образом: "Категория вида обозначает, что действие, выраженное глаголом, представляется или в его отношении к внутреннему пределу, цели, результату или, независимо от такого отношения, в его длительности и повторяемости...". В курсе лекций по морфологии современного русского языка издания МГУ дается подобная же характеристика: (Категория вида в русском языке характеризует выраженное глаголом действие или состояние с точки зрения отношения к его внутреннему пределу или независимо от всяких ограничений в его течении или повторяемости).

Зарубежные слависты также ставят категорию вида в славянских языках в зависимость от значения предела действия. Некоторые из этих лингвистов пытаются уточнить отношение действия к пределу, как это делает в нижеприводимом отрывке А. Лескин: (Совершенный вид (*perfectiv*) означает такое действие, при исполнении которого говорящему представляется завершенность, окончание, результат действия. Этим мы не хотим сказать, что завершение, цель действия в действительности достигается: речь идет о том, что в сознании наличествует момент завершения, достижения цели (независимо от того, имеет ли это место в настоящем, прошедшем

или будущем), а не некоторая длительность действия, даже если это длительное действие приводит к достижению цели. Несовершенным видом (*imperfectiv*), напротив, называется такое действие, которое представляется говорящему длительным, не имеющим окончания, завершения или результата [Leskien 1914: 460].

Как мы видим, А. Лескин, внося уточнение в категориальное содержание вида, понимает его как наличие только стремления действия к своему внутреннему пределу. Таким образом, А. Лескин приписывает видовым формам совершенности и несовершенности характеристику предельности и неопредельности (о предельности, неопредельности, нейтральности значения глагола см. ниже).

В определениях большинства других славистов также имеется в виду противопоставление грамматических форм, разнящихся друг от друга своим отношением к внутреннему пределу действия. Однако действие глаголов рассматривается этими авторами в таком отношении к пределу, которое может выражаться не только грамматическими средствами, но и самой семантикой глаголов. Таким образом, отношение к внутреннему пределу может проявляться не только в языках с грамматически выраженной категорией вида, но и в тех языках, которые не обладают видовыми противопоставлениями в системе глагола.

У многих славистов не хватает указания на обязательность преодоления действиям своего внутреннего предела. Правда, еще в определении видовой категории у Ф. Миклошича [Miklosich 1879: 274] мы встречаем подчеркивание момента завершения действия (*Vollendung*), понимаемое как окончание действия, вызываемое его полным прекращением. В одной из более поздних работ, посвященных видовой категории в славянских языках, А. Белич [Belič 1924: 4] также указывал на тот факт, что понимание славянских видов грешит односторонностью — из характеристики категориального содержания вида выпадает значение полной завершенности действия. Нам кажется, что с некоторой натяжкой можно сказать, что Ф. Миклошич и А. Белич ставят видовое значение в зависимость от окончательного преодоления действием своего внутреннего предела.

В. Виноградов в своих трудах говорит о таком отношении действия совершенного вида к своему внутреннему пределу, которое можно расценить как качественное изменение в семантике глагола [Виноградов 1947: 497–498, 502–505]. Из такого толкования В.В. Виноградовым видового значения русских глаголов можно было бы сделать вывод о том, что категориальным содержанием вида, по мнению данного автора, является окончательное преодоление действием своего внутреннего предела. Однако и в трудах В.В. Виноградова важность окончательного преодоления действием своего внутреннего предела также подчеркивается недостаточно четко, и в последних трудах по русскому языку мы не находим четкой постановки вопроса о том, что основным содержанием категории совершенного вида является значение преодоленности действием своего внутреннего предела. Так, в определении категории вида в грамматике издания Академии Наук мы вообще не имеем уточнения отношения действия к своему внутреннему пределу. В курсе лекций МГУ, после довольно туманной формулировки об отношении действия к своему пределу, правда, содержится уточнение по поводу примеров *я читал книгу, я прочитал (прочел) книгу*, гласящее, что "во втором случае есть указание на то, что был когда-то момент времени, когда действие достигло предела, прекратилось, в первом примере указания на такой момент нет" [СРЯ 1952: 309].

Анализ лингвистической литературы, освещающей категорию вида в славянских языках, показал, что исследователи славянских языков недостаточное внимание уделяют различию между стремлением действия к своему пределу и достижением действием своего внутреннего предела. Гораздо большее место занимает в литературе по славянскому виду борьба между взглядом на категорию вида, как на количественное изменение действия, и взглядом на вид, как качественное изменение действия. В ходе этой борьбы мнений уточняется количество видовых форм, в качестве основных противопоставлений начинают рассматриваться вместо видовых пар *ле-*

теть – *летать* (определенность – неопределенность действия), *катнуть* – *каты-вать* (однократность – многократность действия), противопоставления: *лететь* – *прилетать*, *списать* – *списывать*. Особенно заметно это столкновение мнений в русском языкознании. Так, только А.А. Потебня [Потебня 1968: 62, 74–75] провел четкое различие между количественной и качественной стороной видового значения в русском языке. В трудах же Г. Павского, А. Востокова, Н. Николича, С. Шафранова, К. Аксакова, Н. Некрасова [Павский 1850: 48–74; Востоков 1891: 31–32; Николич 1845: 5–14; Шафранов 1852: 69–102; Аксаков 1855: 18; Некрасов 1865: 139–175] мы имеем эклектическую точку зрения на вид, в которой смешивался количественный принцип различения видов с качественным. Так, А. Востоков в своей грамматике указывает на 3 вида: 1) неокончательный, не означающий ни начала, ни конца действия, 2) совершенный, показывающий начало или конец действия, 3) многократный, показывающий действие, повторенное несколько раз. В.В. Виноградов, выработавший довольно четкую точку зрения на вид в русских глаголах как на качественное изменение значения глаголов, использовал для своей теории вида взгляды русских языковедов – Л.П. Размусена и Э. Черного [Размусен 1891: 379; Черный 1877: 9, 13], в которых подчеркивается, что основным видовым значением русских глаголов является выражение момента сосредоточенности действия или отсутствия такого момента.

Подводя итог по вопросу категориального содержания категории вида в славянских языках, мы должны подчеркнуть, что эта проблема решается в славистике еще недостаточно четко. Наибольшую ясность в разрешение вопроса о категориальном содержании вида внесли отечественные языковеды. Подход отечественных лингвистов к категории вида как к качественному, а не количественному изменению в значении глагола, позволил им выделить дополнительные значения категории вида. Таким дополнительным значением для совершенного вида является значение результата, для несовершенного вида – значение повторяемости [ГРЯ 1953: 36; СРЯ 1952: 309–310]. С указанием на предел действия связано, по мнению некоторых ученых, указание на достижение цели этим действием и на сохранившийся после прекращения действия его результат. Эти указания, действительно, во многих случаях соответствуют значению завершенности действия, достижения им определенного предела [СРЯ 1952: 309]. Для нашей работы особенно интересным является также тот факт, что наиболее четко значение результата в русском языке выступает у причастий [Кавецкая 1955: 129–142]. Наряду с содержанием видовой категории нас также интересует вопрос о формальной стороне этого сложного грамматического явления. Исследователи славянских языков считают обязательным для этих языков наличие противопоставленных языковых форм.

В русском языке противопоставляемые по принципу совершенности–несовершенности видовые формы образуются как при помощи суффиксов, так и при помощи префиксов. Благодаря длительным разногласиям по поводу того, считать ли префиксальные формы грамматическими формами к соответствующим беспрефиксальным формам или расценивать их как разные слова, вопросу о префиксальном образовании видовых форм уделялось большее внимание, чем их суффиксальному образованию. В настоящее время в исследованиях по русскому языку имеют одинаковое распространение обе точки зрения в отношении места префиксальных образований в видовой системе глагола. Так, В.В. Виноградов выделяет отвлеченно-грамматические приставки и глагольные приставки с ярко выраженным реальным значением. Видовые формы, образованные отвлеченно-грамматическими приставками, данный автор считает грамматическими формами. Видовые же формы, образованные приставками с реальным значением, В.В. Виноградов относит к одной лексеме с бессуффиксальными глаголами [Виноградов 1947: параграфы 29, 36, 41, 42]. В грамматике русского языка издания МГУ можно найти, наряду с выделением приставок реального, или лексического значения и приставок с грамматическим значением [СРЯ 1953: 312], заявление о том, что одной семантической близости для отнесения видовых приставочных и бес-

приставочных форм (*писать* – *написать*) к одной лексеме недостаточно и что необходимы структурно-грамматические основания. В качестве доказательства приводится тот факт, что каждый из членов видовой пары образует всю систему форм, ему свойственную (времена, наклонения, лица, залоги, причастия, деепричастия), точно так же, как образует ее каждый из двух глаголов, различающихся в лексическом отношении (*нести* – *принести*) [СРЯ 1953: 322].

Для нашей работы не представляет важности вопрос о том, куда следует относить члены видовых пар глаголов русского языка: к одной лексеме или к разным лексемам. Для нас важен тот факт, что в русской славистике недостаточно учитывается то, что в видовом противопоставлении суффиксального/бессуффиксального глагола мы имеем дело с большей грамматикализацией видовых противопоставлений, чем при противопоставлении бесприставочного глагола приставочному. Об этом, например, свидетельствует отнесение членов видовой пары *подписывать* – *подписать* к разным лексемам. Нам вообще кажется несколько странной практика определения принадлежности глаголов к той или другой лексеме не по семантическому, а по структурно-грамматическому принципу. Представляется, что дело обстоит так, что глаголы, имеющие одну семантику, могут быть отнесены к одной лексеме. Таким образом, по нашему мнению, в русском языке все суффиксальные образования можно считать грамматическими формами по отношению к бессуффиксальным. К грамматическим, а не лексическим образованиям можно отнести также те приставочные глаголы, приставки которых не влияют на семантику корневого глагола.

В зарубежной славистике также недооценивают роли суффиксальных образований как основной грамматической базы категории вида. Как показала полемика, проводившаяся Ю.С. Масловым на страницах журнала "Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР" с болгарскими лингвистами о сущности морфологической системы глагольного вида в современном болгарском языке, болгарские ученые не учитывают того, что морфологической основой видовой системы в болгарском языке является противопоставление суффиксального и бессуффиксального глаголов. Болгарские слависты, как показал Ю.С. Маслов [Маслов 1955: 28–96], без всякого основания приравнивают роль префиксов для системы вида к роли суффиксов, не учитывая того, что почти вся видовая система в болгарском языке строится посредством противопоставления глагола с суффиксом глаголу без суффикса, видовое же противопоставление при помощи префиксов играет в болгарском языке, в отличие от русского, весьма незначительную роль. Таким образом, болгарские лингвисты, уделяя излишнее внимание префиксам, не замечают того, что в грамматикализации видовой системы болгарский язык пошел дальше русского.

Мы специально выделили недостатки в разрешении проблемы категориального содержания видового значения и в разрешении вопроса о форме выражения вида в трудах по славянским языкам, которые сводятся к двум моментам: 1) отсутствие в определении категории вида четкого выделения значения преодоленности действием своего внутреннего предела для совершенного значения и 2) переоценка роли приставок в образовании видовых пар (именно по этим же вопросам существует путаница и в германистике). М.М. Маковский на большом фактическом материале показал, что готский глагольный префикс *ga-* не имел никакого значения – ни грамматического, ни лексического – и использовался чисто факультативно: в большом количестве случаев одна и та же греческая форма в "Евангелиях" соответствует готским формам с префиксом *ga-* и беспрефиксным формам [Маковский 1955; 1959]. Известно, что исследования в области категории вида славянских глаголов побудили германистов поставить вопрос о наличии этой категории и в германских языках. В свое время Я. Гримм первым поставил вопрос об этом, познакомившись с грамматикой сербского языка Вука Стефановича. В. Штрайтберг, который впервые посвятил отдельную работу изучению видовой категории в германских языках, постоянно указывал на то, что данный труд возник под непосредственным влиянием слависта А. Лескина, автора грамматик древнеболгарского и сербскохорватского

языков. Следует подчеркнуть тот момент, что учителями германистов в области вида были зарубежные слависты. А как раз в трудах зарубежных славистов указанные недостатки в общей теории вида выступают наиболее ярко. Благодаря тому, что определение категории вида, данное славистами, содержит указание лишь на присутствие понятия предела для совершенного вида и отсутствие такого понятия для несовершенного вида, германисты смогли его использовать для германских языков. Нужно учитывать, что определение вида, содержащее только указание на отношение действия к пределу, больше соответствует некоторым моментам в семантике немецких глаголов, которые отечественными лингвистами названы предельностью, неопредельностью, нейтральностью, чем видовым значением славянских глаголов. Определение В. Штрайтбергом перфективных глаголов как глаголов, которые содержат в самой основе отношение к пределу, завершенности [Streitberg 1891: 10], фактически является определением сущности глаголов не с точки зрения грамматической (у В. Штрайтберга нет указаний на соотношенность этого значения с каким-нибудь грамматическим формантом), а с точки зрения лексической. В монографии В. Штрайтберга находит свое отражение и чрезмерное увлечение славистов префиксами как средством образования видовых пар. В. Штрайтберг делает в своей работе вывод о том, что приставки готских глаголов служат средством образования видовых пар. Опираясь на видовое значение приставки *ga-* в готском языке, В. Штрайтберг рассматривает и другие приставки как в готском, так и в современном немецком языке как показатели видового значения. Он не учитывает того момента, что приставки в немецком языке являются средством лексического видоизменения слова, а не грамматическим формантом. Стремясь выявить, по аналогии со славянскими языками, стройную грамматическую систему видовых противопоставлений, В. Штрайтберг не замечает, что те случаи употребления приставочных глаголов, когда они употребляются с явно совершенным значением, объясняются не ролью приставок, а влиянием контекста.

В. Штрайтберг своим трудом о перфективных и имперфективных видах – по терминологии В. Штрайтберга "*Aktionsarten*" (термин "*Aktionsart*" В. Штрайтберг позаимствовал у К. Бругмана) – положил начало целой школе воззрений на видовое значение в германских глаголах. До К. Бругмана видовые значения в зарубежной лингвистике обозначались: "*Zeitart*" (Г. Курциус), "*Verbalzeit*", "*Verbalart*" (И. Шмидт). Точку зрения В. Штрайтберга в той или иной мере разделяли: Л. Зюттерлин, В. Вильманс, О. Эрджман, О. Вехгель, Г. Пауль, Х. Линдрот, Г. Поллак, Г. Хербиг, Г. Якобсон и другие авторы, хотя в деталях некоторые из названных авторов и проявляли несогласие со В. Штрайтбергом [Sütterlin 1907; Willmanns 1906; Erdmann 1886–1898; Behaghel 1924; Paul 1920; Lindroth 1906; Pollak 1920; Herbig 1896; Rodenbusch 1907; Jakobson 1933].

Следует отметить среди перечисленных авторов Г. Хербига, который правильно подметил специфику видовой категории славянских языков по сравнению с видовым значением немецких глаголов. Так, Г. Хербиг указывает на присутствие в семантике славянских глаголов момента завершения действия, а также на роль суффиксов для выражения видовых значений в славянских языках [Herbig 1896: 266–267]. В отношении немецких глаголов Г. Хербиг отмечает тот факт, что видовое значение в немецком языке выражается через семантику глагола [Herbig 1896: 266–267]. Но наряду с этими положительными сторонами работы следует также отметить, что Г. Хербиг рассматривает категорию вида с психологической точки зрения. Это приводит к тому, что в некоторых местах работы автор приравнивает видовое значение славянского и немецкого глаголов, исходя из надъязыковой, психологической сущности категории вида. Таким образом, Г. Хербиг проявляет ту же путаницу во взглядах на категорию вида, что и В. Штрайтберг, говоря о том, что основным значением этой категории является не момент преодоления действием своего предела, а пребывание действия в некотором отношении к этому пределу [Herbig 1896: 202]. Г. Якобсон также отмечал разницу между грамматическим видом (по его терминологии – "*Aspekt*") и лексическим проявлением видового значения у глагола (по терминологии Г. Якоб-

сона – "Aktionsart") [Jacobsohn 1933: 315]. Но наряду с этим Г. Якобсон недостаточно четко вскрывает разницу между содержанием *Aspekt'a* и *Aktionsart'a*, что можно объяснить нечеткой трактовкой видового содержания славянских глаголов Г. Якобсоном, выдвижением им на первый план префиксального способа образования видовых пар [Jacobsohn 1933: 294–295]. Наряду с Г. Хербигом и Г. Якобсоном также Х. Линдрот указывал на то, что следует подходить дифференцированно к категориальному содержанию видового значения в славянских и германских языках.

По нашему мнению, наиболее дифференцированно к видовому значению глаголов различных языков подошел Б. Дельбрюк. Наряду с К. Бругманом Б. Дельбрюк является последователем Г. Курциуса в трактовке временных основ древних индоевропейских языков как средств выражения видовых значений. Широкая историческая перспектива дала возможность Б. Дельбрюку правильно поставить вопрос о том, что как современному немецкому глаголу, так и готскому, не свойственны категории совершенности и несовершенности, как это свойственно славянскому глаголу [Delbrück 1897: 125]. Под терминативностью Б. Дельбрюк понимает примерно то же самое, что отечественная германистика понимает под предельностью, т.е. стремление действия к какому-либо пределу (по определению Б. Дельбрюка – начальному или конечному). Точка зрения Б. Дельбрюка оказала на последующих исследователей меньшее влияние, чем точка зрения В. Штрайтберга. Может быть, сыграло свою роль чрезмерное увлечение Б. Дельбрюка разделением видовых значений по временным основам, что привело к нечеткости видовых соотношений.

Для нашей работы представляют интерес взгляды зарубежных лингвистов на взаимоотношение вида и времени в системе немецкого глагола. В. Штрайтберг и большинство его последователей не раз подчеркивали, что видовое значение германского глагола ни в коей мере не зависит от временного значения. Так, у этих авторов перфективнос (совершенное) значение может выступать в настоящем, прошедшем и будущем времени [Streitberg 1891: 71]. При этом не учитывается тот факт, что для видового значения немецкого глагола временные формы могут служить контекстуальным фоном. Б. Дельбрюк и его последователи, наоборот, настолько учитывают контекст, создаваемый временными формами, что в отдельных формах времени видят самостоятельные видовые значения. Так, К. Майер [K. Meyer 1917: 5–6] и Е. Майер [E. Meyer 1928: 13] выделяют особый вид "perfekktisch", который выступает в презенсе, а Г. Вундерлих и Г. Райс [Wunderlich, Reis 1924: 212–213] находят этот вид также в перфекте. К. Бругман и В. Дельбрюк [Brugmann 1904: 656; Delbrück 1897: 228–229] отмечают это видовое значение в перфекте и в аористе древних языков. Если же мы возьмем те глаголы, которые приводятся в *perfekktisch*, то мы увидим, что это глаголы, которые уже в самой семантике имеют стремление к пределу, например, нем. *verschwinden*, *sinken*, *überschreiten*, *verstehen*. Мы считаем, что правы те лингвисты, которые видовое значение в немецком языке ставят в зависимость от контекста, в том числе и учитывают контекстуальное значение, создаваемое временными формами, но которые в то же самое время не стремятся почти в каждой глагольной форме искать особый вид. Такой подход мы находим в грамматике Г. Пауля и Г. Штольте [Paul, Stolte 1950: 305], а также в статье Г. Шпицбардта [Spitzbardt 1954], которые пишут о роли синтаксического окружения для выяснения видового значения глаголов. Г. Шпицбардт выдвигает и раскрывает термин *syntaktische Aktionsarten*.

Важно отметить следующие недостатки во взглядах немецких ученых на видовое значение в системе немецкого глагола:

- 1) Нечеткое толкование категориального содержания вида у славянских глаголов и отсюда – нечеткое толкование видового значения немецких глаголов.
- 2) Отсутствие четкого подхода к формальной стороне выражения видовой категории. Выдвижение на первый план роли приставок в образовании видовых форм.
- 3) Нечеткое, а порой и неправильное толкование взаимоотношения видового и временного значения в системе личных форм глагола.

Во взглядах лингвистов на видовое значение причастий немецкого языка можно обнаружить почти все недостатки, которые мы отмечали в отношении общей теории глагольного вида. Весьма интересно, что при наличии довольно обширной литературы по видовому значению личных форм глагола вопрос о виде у причастия детально ни в одной специальной работе не разрабатывается. Зарубежные лингвисты Г. Геринг, К. Майер и И. Гюрике [Gering 1873; Meyer 1906; Guerike 1915] в своих исследованиях, проводимых в области причастий, главным образом готского и древневерхненемецкого языков, вопроса о видовой специфике причастия касаются вскользь, без достаточно глубокого его анализа. Следует подчеркнуть, что видовое значение причастий в зарубежной германистике не увязывается с установившимися уже взглядами на видовое содержание личных форм глагола. Систему аспектов и видов зарубежные германисты, как правило, не используют при рассмотрении видового значения причастий. Но, тем не менее, они априори исходят из того, что какое-то видовое значение у причастий имеется. Одни лингвисты, как Ф. Блац, А. Леман, Т. Ферналекен, В. Вильманс [Blatz 1896: 598; Lehmann 1877: 132; Vernalacken 1861: 17; Willmanns 1906: 102], рассматривают видовое значение причастия II как законченность, совершенность (Vollendung), видовое значение причастия I – как незаконченность, несовершенство (Unvollendung). Другие авторы – Л. Зюттерлин, О. Вехагель, О. Эрдман, А. Энгелин, К.Ф. Беккер, Т. Маттиас [Sütterlin 1907: 274; Behaghel 1924: 401; Erdmann 1886–98; Engelin 1902: 361; Becker 1841: 514; Matthias 1914: 110] – усматривают основное видовое значение причастий в выражении состояния: для причастия I – состояния, создаваемого несовершенным действием, для причастия II – состояния, создаваемого совершенным действием. Но ни значение совершенности – несовершенности, ни значение состояния западные ученые не рассматривают отдельно от временного значения. При этом приверженцы точки зрения на видовое значение, как на совершенность и несовершенство, рассматривают как некоторое тождество совершенность и предшествование во времени, несовершенство и временную одновременность. Например, Ф. Блац считает основными значениями причастия "Dauer" и "Vollendung", но тут же в скобках он дает соответственно значения "Gleichzeitigkeit" и "Vorzeitigkeit" [Blatz 1896: 598]. Сторонники второй точки зрения, как правило, не видят в причастиях значения предшествования, а только значение одновременности. Однако некоторые лингвисты, как, например, К.Ф. Беккер, Л. Зюттерлин, отмечают особый, вневременной характер одновременности состояния, выражаемого причастием II. Так, К.Ф. Беккер лишает о значении причастия II, что это "Gleichzeitigkeit einer vollendeten Tätigkeit mit dem Prädikat, aber nicht ein Zeitverhältnis" [Becker 1841: 514]. Л. Зюттерлин так разъясняет свое понимание значения состояния у причастий II: "Vielmehr bezeichnet bei zielenden Begriffen das Mittelwort nur die Dauer des durch die Handlung bewirkten Zustandes (gewendet, belagert)" [Sütterlin 1924: 469]. Большинство же зарубежных лингвистов при рассмотрении одновременности состояния склонны к смешению значений видовых с временными. Так, Г. Пауль, Г. Штольте пишут о возникновении у причастий II, обозначающих состояние особого вида – perfektische Aktionsart, который они расценивают как одновременность состояния, выражаемого причастием, действию личного глагола. Здесь мы опять встречаемся с тем явлением, которое мы уже отмечали при рассмотрении общей теории вида в германистике. При рассмотрении видового значения личных форм глагола многие зарубежные германисты смешивают временное значение с видовым, они выделяют в каждой временной форме видовое значение. У причастия же II эти лингвисты приписывают видовому значению результата временное значение одновременности. Следует отметить не только смешение в рассматриваемых работах видового и временного значения у причастий II, но и в отношении причастий I пересмотреть вопрос о взаимоотношении видового и временного значения. В трудах зарубежных лингвистов мы не можем найти правильный ответ на этот вопрос, так как, несмотря на выделение

ими отдельных видовых значений, на первом плане у них стоит выражение причастиями временных и залоговых значений. В трудах отдельных лингвистов, например, Я. Гримма, Т. Хайнсиуса, К. Михаэлиса мы вообще не имеем никаких указаний на видовое значение причастий. У этих лингвистов рассматриваются только временные и залоговые значения причастий, а у К. Михаэлиса – даже только залоговое значение [Grimm 1837: 64; Heinsius 1835: 249–250; Michaelis 1922: 109]. В трудах В. Штрайтберга, Г. Хербига, Х. Линдрота, Г. Поллака, Е. Роденбуша, Г. Якобсона и других лингвистов, специально занимавшихся вопросом видового значения немецких глаголов, уделяется весьма незначительное внимание видовому значению причастий. Также и в более поздних грамматиках немецкого языка, где имеются специальные разделы, посвященные видовому значению личных форм глаголов, в разделах, освещающих специфику причастий, видовому значению уделяется недостаточно внимания: это значение ставится в подчиненное положение по отношению к временному. В зарубежной германистике происходит на первый взгляд удивительный процесс: многочисленные исследователи ищут видовое значение в тех формах, которые не имеют никаких грамматических оснований для выражения вида; в тех же формах, где имеется более или менее яркое противопоставление по видовому признаку, базирующееся на морфологических формах, эта способность выражать видовое значение остается без особого внимания. Но если рассматривать освещение видового значения причастий не изолированно, а в связи с освещением видового значения личных форм глагола, то все те изъяны в освещении видового значения причастий, которые мы отмечали (а именно: нечеткость в определении категориального содержания видового значения причастий, смешение видового и временного значений и пренебрежение морфологической формой, образующей базу для видового противопоставления), являются прямым следствием подобных же погрешностей общей теории вида.

Отечественные грамматисты признают, что причастия немецкого языка в отношении выражения ими видового значения занимают в системе глагола особое положение. Так, О.П. Мартынова, вслед за М.Д. Натанзон, так и пишет, что наличие в немецком языке пассива состояния, форм перфекта, плюсквамперфекта, а также причастия II ставит вопрос о необходимости пересмотреть положение об отсутствии категории вида в немецком языке. Н.В. Смирнова отмечает особое, отличное от глагольных, качество грамматических категорий причастий, в том числе категории вида [Смирнова 1954: 75–87]. Все отечественные лингвисты признают, что немецкие причастия выражают противопоставление по принципу совершенности – несовершенности. Но несмотря на это, они также не дают исчерпывающего ответа на вопрос, что же является категориальным содержанием видового значения причастий. В связи с запутанностью вопроса о сущности видовой категории не получает в их трудах своего разрешения также вопрос о взаимоотношении глагольных категорий причастий между собой, в том числе значений вида и времени.

Многие отечественные германисты стоят на той точке зрения, что все причастия I выражают несовершенное длительное действие, большинство причастий II – совершенное с результативным оттенком действия [Мартынова 1953: 7; Смирнова 1954: 77; Арзуманова 1954: 17; Жирмунский 1948: 242–243; Шендельс 1952: 175–176; Адмони 1955: 279–280]. Ряд лингвистов выдвигают положение об выражении причастиями II значения результативного состояния [Эрлих, Тримм, Вольф, Бергман 1949: 433; Гадд, Браве 1947: 218; Белостоцкая, Мазурская 1949: 161].

В отношении связи видового и временного значения причастий мы имеем самые разнообразные точки зрения. О.П. Мартынова, Н.В. Смирнова, И.И. Ревзин, С.Л. Файнштейн, Е.А. Коленько считают видовое значение ведущим по отношению к временному. Так как перечисленные выше авторы не раскрывают того, что они понимают под ведущим значением, то вопрос взаимоотношения между видовым и временным значением остается до конца нерешенным. В.М. Жирмунский [Жирмунский 1948: 242–243] также ставит временное значение в зависимость от видового. Л.Р. Зиндер и Т.В. Строева-Сокольская [Зиндер, Строева-Сокольская 1941: 270], наоборот, вы-

двигают на первый план временное значение; правда, в отношении причастий II переходных глаголов данные авторы подчеркивают наряду с нечеткостью видового также нечеткое выражение и временного значения. В статье Н.В. Арзумановой [Арзуманова 1954: 16, 20] содержится противоречивое заявление о том, что причастия являются не видовыми, а временными формами с последующим выводом о ведущей роли видового значения. В.Г. Адмони [Адмони 1955: 279–280] вообще не видит в причастиях II временного значения, причастия же I он рассматривает как видо-временную форму. Почти все авторы, рассматривающие временное значение причастий, расценивают его как относительное, а не как абсолютное временное значение. Здесь интересно привести точку зрения Ю.С. Маслова, различающего у причастия II не относительное значение предшествования, а относительное значение одновременности. Так, Ю.С. Маслов пишет о том, что причастия II обозначают состояние предмета, одновременное глаголу того предложения, в котором это причастие употреблено. Но далее данный автор ставит характер причастного состояния в зависимость от семантики глагола и вносит уточнение, что причастия от трансгрессивных глаголов (под трансгрессивностью Ю.С. Маслов понимает примерно то же самое, что мы понимаем под предельностью) выражают результат уже заверщенного, закончившегося процесса [Маслов 1948: 194–195]. Таким образом, для Ю.С. Маслова характерна шаткость в трактовке взаимоотношения видового и временного значения причастий.

Ю.С. Маслов делает, один из первых в отечественном языкознании, попытку поставить видовое значение причастий в зависимость от семантики глагола. В последующих работах, посвященных исследованию немецких причастий, используется теория предельности, выработанная отечественными лингвистами на материале личных форм глаголов. Следовало бы ожидать, что возможность более дифференцированного подхода к причастиям в зависимости от значения глагола позволит провести более глубокий анализ видового значения причастий. Правда, благодаря разделению глаголов на предельные – непредельные – нейтральные, мы имеем в трудах наших германистов деление на причастия II с несовершенным значением и причастия II с совершенным значением [Мартынова 1953, Смирнова 1954, Ревзин 1950, Коленько 1951, Шендельс 1952]. Большинство отечественных лингвистов придерживается той точки зрения, что все причастия I выражают несовершенное действие, причастия II непредельных глаголов также выражает несовершенное действие, причастие II предельных и нейтральных глаголов выражают совершенное действие. При таком восприятии зависимости видового значения причастий от семантики глагола не учитываются различия в семантике предельных и нейтральных, в первую очередь, а затем и более мелкие различия внутри семантических групп предельных, нейтральных и непредельных глаголов. Несмотря на то, что зарубежные германисты в большинстве своем не используют лексического значения глаголов при определении видо-временного значения причастий, в их трудах все-таки можно встретить отдельные случаи более дифференцированного подхода к видо-временному значению причастий в зависимости от лексического значения глагола. В зарубежной германистике первым стал учитывать семантику глаголов при определении вида и времени причастий Г. Пауль [Paul 1905: 161]. Рассматривая причастия от различных глаголов, Г. Пауль указывал, что не всегда причастия II выражают предшествование, что причастия II от имперфективных глаголов могут выражать и одновременность действия. В грамматике немецкого языка Г. Пауль приводит целый список причастий II (108), которые, по его мнению, имеют сходное временное значение с причастием I. Среди 108 причастий два причастия (*bekämpft*, *erstrebt*) мы отнесли бы к причастиям предельных глаголов, 20 причастий – к причастиям непредельных глаголов. Остальная масса причастий является образованиями от нейтральных глаголов. Здесь Г. Пауль довольно метко подметил способность причастий II нейтральных переходных глаголов выражать не только предшествование, но и одновременность. К сожалению, у Г. Пауля в большинстве случаев на первый план выдвигаются временные возможности причас-

тий, а не видовые [Paul 1920: 79]. Правда, у этого же автора есть указание на видовую нейтральность причастий тех глаголов, которые могут употребляться как в перфективном (совершенном), так и в имперфективном (несовершенном) значении. Так, Г. Пауль пишет: "Wenn Verba sowohl perfektiv als imperfektiv gebraucht werden können wie z.B. *beleuchten, erfreuen, ergötzen, betrüben, beunruhigen, ärgern, berühren, bewegen*, so ist für die Bedeutung der Partizipien gleichgültig, ob man es zum Perfektum oder Imperfektum zieht" [Paul 1920: 80]. Мы, конечно, не можем согласиться с объединением в одну группу различных по семантике глаголов (так, глаголы *beleuchten, betrüben, beunruhigen, ärgern, berühren, bewegen, erfreuen* мы скорее бы отнесли к предельным глаголам, правда, с не особенно четко выраженным пределом; глагол *ergötzen* — к непредельным глаголам), но сам метод дифференцированного подхода к различным лексическим группам глаголов кажется нам продуктивным. Большинство же зарубежных авторов (Л. Зюттерлин, В. Вильманс, Ф. Блац, А. Енгелин, А. Леман, Т. Маттиас и др.) используют ссылки на лексическое значение глагола только при выяснении употребительности и неупотребительности того или иного причастия. Из авторов, делающих попытку различать видовое значение причастий в зависимости от лексического значения глаголов, следует упомянуть И. Хайзе и О. Бехагеля. Так, И. Хайзе пишет о том, что причастие II переходных глаголов могут выражать не только момент завершения (*Vollendung*), но и длительность действия в том случае, если глагол, от которого образовано причастие, обозначает длительное действие, постоянное состояние или чувство [Heyse 1914: 317–318]. О. Бехагель различает среди причастий причастия II мутативно-перфективных глаголов (*mutativ-perfektive Verben*) и причастия II немутативно-имперфективных глаголов (*nicht mutativ-imperfektive Verben*). Опираясь на правильные термины при уяснении значения глаголов, от которых образованы причастия, О. Бехагель раскрывает их на противоречивом лексическом материале.

Так, в образованиях от мутативно-перфективных глаголов у О. Бехагеля попадает причастие от глагола *stehen* (*gestandene Milch*), а в причастиях от глаголов, не относящихся к мутативно-перфективным, относятся, наряду с *ein studierter Mann*, также *ein gefallener Engel* [Behagel 1924: 402].

При рассмотрении специфики причастий как отечественные, так и зарубежные лингвисты исходят из двойственной сущности причастий как глагольно-именной формы. Но при анализе глагольной сущности причастий рассматриваются в первую очередь общность семантики действия у глагола и причастия, в отношении же глагольных категорий, особенно категории вида, заметно стремление обособить глагольные категории причастия от категорий глагола. Между тем, отдельные замечания лингвистов свидетельствуют о том, что нельзя непроходимой стеной отделять видовое значение причастий от видовой категории личных форм глагола. В этом отношении интересна точка зрения Ю.С. Маслова [Маслов 1948: 194–207], который пишет о появившейся со временем у причастий II возможностью выражать прошедшее действие безотносительно к его результатам в настоящем; эту позднейшую черту причастий Ю.С. Маслов связывает с постепенной "вербализацией" причастия II германских языков, с усложнением синтаксических связей причастия II в контексте предложения и со все более широким использованием его при образовании аналитических временных форм глагола. Подобные же, хотя и менее четкие высказывания, мы встречаем в трудах В. Штрайтберга, Г. Хербига, Г. Пауля, О. Бехагеля. Так, В. Штрайтберг и Г. Хербиг пишут о том, что если на более древней ступени развития языка причастия II обозначали момент завершения (*Vollendung*) действия в прошлом, то в современном языке мы имеем простую констатацию действия в прошлом [Streitberg 1891: 176–177; Herbig 1896: 265]. Г. Пауль, Г. Штольте и О. Бехагель отмечают, наряду со значением состояния, также развившееся в более позднее время значение предшествования [Paul, Stolte 1950: 311–312; Behagel 1924: 401]. О. Бехагель подчеркивает, что при выражении причастием значения предшествования глагольность причастия выступает более явно [Behagel 1924: 408]. У цитирован-

ных выше авторов все же нет прямых указаний на зависимость видового значения причастий, подобно видовому значению личных форм глаголов, от контекста. В отечественной германистике мы находим во взглядах М.М. Гухман основанный на глубоком анализе языкового материала подход к причастиям древних германских языков как к формам, видовое значение которых в значительной мере зависит от контекста [Гухман 1955: 329, 438, 449, 452–454, 487, 494]. Указав на ошибочность трактовки видового значения причастия II древних германских языков как состояния, в котором выступает субъект, а также критикуя теорию результативного или перфективного значения причастия II, проф. М.М. Гухман пишет: "В действительности и в отношении видовой специфики причастий II приходится говорить об известной противоречивости его значения" [Гухман 1955: 435]. Особо выделяет проф. М.М. Гухман распливчатость видового и временного значения у причастий II переходных глаголов [Гухман 1955: 436–437]. М.М. Гухман вскрывает многозначность германских причастий в переводных письменных памятниках на базе сравнения с формами глагола в соответствующих греческих подлинниках, причем автор подчеркивает, что сам факт наличия одной формы причастия должен был привести к необходимости широко использовать ее с разными значениями. В некоторых учебных пособиях, статьях имеется также стремление показать нечеткость в выражении видового значения причастиями современного немецкого языка. Так, Л.Р. Зиндер и Т.В. Стросва–Сокольская отмечают шаткость видового значения у причастий II переходных глаголов. Данные авторы видят у причастия II в словосочетании *ein besetzter Platz*, скорее значение настоящего времени, словосочетание же *der vom Lehrer gefragte Schüler* понимают двойко – как "ученик, спрашиваемый учителем", и как "ученик, опрошенный учителем" [Зиндер, Строева–Сокольская 1941: 130]. Подобную же точку зрения развивает Н.В. Арзуманова в своей статье об атрибутивном употреблении причастий в современном немецком языке. Причастия II предельных и нейтральных глаголов, по мнению Н.В. Арзумановой, не обязательно выражают совершенное действие. Данный автор подчеркивает важность контекста для видового значения этих причастий. В качестве примера Н.В. Арзуманова приводит следующие случаи употребления причастий: *Die von uns erzeugte Produktion wird ausgeführt*; *Die von uns herausgegebene Zeitung heißt "Vorwärts"*. Видовое значение длительности, несовершенности причастия *erzeugt* из первого примера автор противопоставляет значению совершенности этого же причастия в следующем примере: *Die von uns erzeugte Produktion wurde noch einmal geprüft* [Арзуманова 1954: 18–19].

Кроме констатации влияния контекста на видовое значение причастия Н.В. Арзуманова стремится выявить те значения контекста, которые способствуют восприятию видового значения причастий II нейтральных и предельных глаголов как несовершенности, длительности. Автор без достаточных, на наш взгляд, оснований выводит значение причастий II из вневременного плана контекста всего предложения. На это можно бы было возразить, что рассмотрение примеров с глаголом в настоящем времени способствовало трактовке автором временного плана предложения как постоянного. Если же мы заменим настоящее время личного глагола на прошедшее, то значение постоянства действий вышеприведенных предложений утрачивается. (Ср. *Die von uns erzeugte Produktion wurde ausgeführt*, *Die von uns herausgegebene Zeitung hieß "Vorwärts"*).

Несмотря на имеющиеся недостатки в трактовке Н.В. Арзумановой контекста, а также в понимании связи вида и времени, такой подход к видовому значению причастий с учетом контекста кажется нам весьма плодотворным и дающим исследователю гораздо больше, чем схематическое рассмотрение видового значения причастия без учета контекста, как это имеет место почти во всех диссертациях, посвященных причастиям. У исследователей, посвятивших свои диссертации причастиям, можно было найти лишь отдельные замечания о возможности влияния контекста на видовое значение причастий. Так, И.И. Ревзин [Ревзин 1950: 71, 79]. В.Г. Чуваева [Чуваева 1950: 167] подчеркивают в некоторых местах своих работ зависимость видо-вре-

менного значения от синтаксической функции причастий. В диссертациях О.П. Мартыновой и С.Л. Файнштейн содержится указание на возможность употребления причастий II нейтральных и предельных глаголов с несовершенным значением. В работе О.П. Мартыновой мы имеем только указание на возможность такого употребления причастий II нейтральных глаголов, не подтвержденное ни одним примером [Мартынова 1953: 38–39]. С.Л. Файнштейн же приводит следующий пример в качестве доказательства своего теоретического положения: *Wenn das rote Gespenst von den Konterrevolutionären, beständig heraufbeschworen und gebannt, endlich erscheint, so erscheint es nicht mit anarchistischer Phrygiermutze auf dem Kopfe, sondern in der Uniform der Ordnung, in roten Plumphosen* (К. Маркс. "Der 18. Brumaire des Louis Bonaparte") [Файнштейн 1953: 93–94].

На основании подобных примеров С.Л. Файнштейн пишет, что положение о совершенном значении причастий II предельных глаголов ей представляется чрезмерно категоричным. Мы вполне согласны с мнением С.Л. Файнштейн и считаем, что, видимо, следует объяснить схематичным подходом исследователей тот факт, что в лингвистической литературе последних лет вопрос о видовом значении причастий рассматривается, как правило, как нечто особое по отношению к системе личных форм глаголов. Б.М. Балин, ссылаясь на работы отечественных германистов, говорит о полной независимости видового значения причастий от контекста, об особом положении причастий по отношению к личным формам глаголов [Балин 1955: 54]. Благодаря схематическому подходу к возможности выражения причастиями видовых значений происходит искусственное обеднение системы немецких причастий по сравнению с причастиями русского языка. Так, Е.И. Шендельс в своем учебнике, в разделе "Сравнение с русским языком" пишет: "Форма настоящего времени страдательного залога (*решаемая задача*) не имеет соответствия в немецких причастиях. Она может быть переведена описательным путем: *die Aufgabe, die man löst / die Aufgabe, die gelöst wird / die zu lösende Aufgabe* [Шендельс 1952: 183]. А на с. 266 Е.И. Шендельс приводит пример, который опровергает ее же собственное положение со с. 183. При этом автор дает даже синонимичную форму – придаточное предложение, где личная форма глагола стоит в настоящем времени. Ср.: *Die in diesem Laboratorium angewandte neue Prüfmethode ist von einem sowjetischen Forscher vorgeschlagen worden* / *Die neue Prüfmethode, die in diesem Laboratorium angewandt wird, ist von einem sowjetischen Forscher vorgeschlagen worden* [Шендельс 1952: 266].

Между тем, примеры, где причастие II предельных и нейтральных глаголов имеет значение несовершенности, длительности, нередко встречаются в немецкой литературе и публицистике: *Zwar liebte er ihn und liebte auch fast schon den entnervenden, sich täglich erneuernden Kampf zwischen einem zähen und stolzen, so oft erprobten Willen und dieser wachsenden Müdigkeit, von der niemand wissen und die das Produkt auf keine Weise, durch kein Anzeichen des Versagens und Laßheit verraten ließ* (Th. Mann. "Der Tod in Venedig"). Сравним несовершенное видовое значение причастия *erprobt* из приведенного выше примера с совершенным видовым значением этого же причастия в следующем предложении: *Die Staatssicherheit verfügt über eine Reihe im Klassenkampf, in ihrer festen Verbundenheit zur Partei erprobter Genossen* ("Neues Deutschland", 1.4.1956); *Ihr nie ganz geschlossener Mund – Briefkastenmund nannten ihn die Jungen aus der Provinzstraße – öffnete sich weit* (F.C. Weiskopf. "Lissy"); *Die Spaltung Deutschlands war die von den Herren am stärksten gefragte Ware und sie hat der Adenauer-Partei das meiste eingebracht, ganz abgesehen von den Prozenten, die sie sich schon vor Jahren von den Aufrüstungsgewinnen sicherte* ("Neues Deutschland", 10.5. 1956).

В качестве общего вывода о состоянии изученности видового значения причастий немецкого языка необходимо отметить следующее:

1) Трактовка видового значения причастий имеет те же недостатки, что и трактовка видового значения личных форм глагола, а именно нечеткое определение сущности видового значения и взаимоотношения вида и времени.

2) При выяснении видового значения причастий не уделяется достаточного внимания семантическому содержанию самих глаголов, от которых образованы причастия, другими словами, иногда остаются без должного внимания значения переходности – непереходности, а в особенности предельности – непредельности – нейтральности.

3) При выяснении видового значения причастий большинство авторов оставляют без всякого внимания возможность влияния контекста на видовое значение причастий. Между тем, примеры, приводимые отдельными авторами, свидетельствуют о том, что контекст может уточнять не только видовое значение глагола, но и видовое значение причастий.

4) Для современного немецкого языка остается неоспоримым только видовое противопоставление причастия I и причастия II от предельных непереходных глаголов: *der ankommende Zug* – *der angekommene Zug*; *der fallende Ball* – *der gefallene Ball*.

К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ ПРЕДЕЛЬНОСТИ

Отечественные германисты подчеркнули отличие видового значения немецких глаголов от видовой категории русских глаголов, состоящее в том, что немецкие глаголы не могут выражать вне контекста преодоленности действием своего внутреннего предела. Например, глагол *kommen* может одинаково означать "приходить" и "прийти", глагол *bringen* – "приносить" и "принести". Отечественные исследователи в отличие от западных германистов правильно поставили вопрос о роли временных форм для зависящего от контекста совершенного или несовершенного значения глагола [Коленько 1951: 3; Роганова 1953; Балин 1955]. Не удивительно, что именно в германистике встал вопрос о различном отношении глаголов русского и немецкого языков к понятию внутреннего предела, о наличии в русском языке глаголов совершенного и несовершенного вида, а в немецком языке глаголов предельных и непредельных. Правда, и в русском языкознании можно найти такие работы, где подчеркивается, что наряду со значением вида в семантике самого русского глагола может содержаться указание на определенное отношение к понятию предела [Маслов 1948: 303–316]. Но для русского языка при грамматически выраженной категории вида лексическое выражение видовых оттенков не представляет того интереса, какой оно представляет для языков, не обладающих грамматической системой видовых противопоставлений.

Для германистики представляет большой интерес как определение сущности выражения отношения действия к своему внутреннему пределу через семантику глагола, так и принцип классификации глаголов по различным лексическим группам, в зависимости от их отношения к пределу действия. В отличие от зарубежных славистов и германистов, мы под термином аспект понимаем лексически выраженное отношение действия к своему внутреннему пределу, т.е. понимаем его так, как и все отечественные германисты. За рубежом часто понятие аспект приравнивается к нашему термину вид, а лексически выраженное отношение действия к пределу выражается понятием "акционсарт" (*Aktionsart*). Следует обязательно подчеркнуть, что понятия "*Aktionsart*" и предельность "*Aspekt*", и "вид" полностью не покрывают один другого. Это связано с тем, что у зарубежных лингвистов отсутствует четкое понимание различия между грамматически выраженным отношением к пределу действия и лексически выраженным отношением к пределу. Тем более понятие "*Aktionsart*" не соответствует нашему пониманию аспекта в трудах тех лингвистов, которые не делают различия между "*Aspekt*" и "*Aktionsart*" (ср., к примеру, классификацию только по акционсартам у В. Штрайтберга). Русисты используют наряду с понятием предельности – непредельности также термин "способ глагольного действия" как подтип понятия предельности – непредельности. На уровне взаимоотношения предельность / непредельность и способ глагольного действия возникает термин "акциональность", впервые употребленный С.-Г. Андерссоном в его монографии [Andersson 1972]; подробнее о несоответ-

ствии терминов в русском и зарубежном языкознании см. диссертацию Л.И. Зильберман [Зильберман 1956: 18–26].

Впервые понятия предельного и неопредельного аспекта для германских языков вводят отечественные лингвисты Г.Н. Воронцова, М.Д. Натанзон, Н.В. Гейн [Воронцова 1950–1952; Натанзон 1948; Гейн 1948]. Теорией предельного и неопредельного аспектов в отечественном языкознании широко пользуются исследователи глагольных форм германских языков, например, такие, как З.М. Ромм, З.Е. Роганова, Б.М. Балин, В.С. Пачковский, Л.И. Зильберман, И.И. Ревзин, С.П. Мартынова, Н.В. Смирнова, Е.А. Коленко, С.Л. Файнштейн и др. Правда, благодаря вниманию, которое уделялось теории предельности в первых работах, посвященных этой теме, в общем в разработке теории аспектов в германских языках за последние годы чувствуется весьма незначительный прогресс. Так, после Г.Н. Воронцовой, Н.Д. Натанзон, Н.В. Гейн возникла целая школа Б.М. Балина, в публикациях которой можно было встретить более или менее самостоятельный подход к проблеме предельности – неопредельности глаголов. Однако следует отметить, что большинство лингвистов принимает на веру целиком и без оговорок разработанную вышеперечисленными авторами теорию предельности. При этом упускается из виду, что теория предельности – неопредельности в ее современном виде имеет ряд неясностей и недоработок.

Начнем с определения сущности понятия "аспекта" германских глаголов. М.Д. Натанзон понимает под аспектом наиболее общую характеристику протекания глагольного действия, содержащуюся в самой семантике глагола [Натанзон 1948: 37–38]. З.М. Ромм внесла в определение аспектов уточнение, различая завершительную и пространственную предельность. Л.И. Зильберман характеризует аспекты как выражение максимальной степени абстрагирования от конкретного значения отдельного глагола, которое возможно в границах лексики [Зильберман 1956: 18]. Приведенные определения являются весьма абстрактными. Как понимать, например, "выражение максимальной степени абстрагирования от конкретного значения глагола" у Зильберман?

Ниже мы постараемся подойти к решению возникающих здесь вопросов.

Поскольку речь идет о лексических группах глаголов, классификация их на основе семантического анализа, проводимая обычно авторами исследований, представляется нам правомерной. При этом нам кажется существенным выделить ряд более мелких смысловых групп глаголов, у которых по-разному может конкретно проявляться отношение к внутреннему пределу и у которых в качестве внутреннего предела могут выступать разные моменты. Вместе с тем, поскольку речь идет о лексических группах, потенциально связанных с определенной грамматической категорией, вряд ли можно довольствоваться только семантическим анализом. Думается, что деление это должно подтверждаться и проверяться определенным формальным критерием, о чем речь и будет идти ниже.

Изложим несколько подробнее наше понимание семантических принципов выделения предельных, неопредельных и нейтральных глаголов и характеристики отдельных более мелких групп глаголов, относящихся к ним.

Нам кажется прежде всего необходимым отдельно рассматривать глаголы переходные и непереходные, так как в качестве внутреннего предела у них выступают разные моменты. У непереходных глаголов в качестве предела, как правило, выступает достижение цели движения или состояния (например, у глаголов *kommen*, *sterben*), у переходных глаголов пределом действия является конечный момент действия, связанный с полным охватом прямого объекта действием (*bringen*, *zersetzen*).

У непереходных глаголов значения предельности – неопредельности – нейтральности конкретно выявляется следующим образом:

1) Предельные переходные глаголы

а) Среди глаголов, относящихся к этой группе, мы должны в первую очередь отметить глаголы направленного движения, т.е. глаголы типа *kommen, aufstehen, emporsteigen*. Среди этих глаголов большинство глаголов приставочные. Многие отечественные лингвисты относят подобные глаголы к предельным. Зарубежные германисты усматривают у большинства таких глаголов перфективное значение. Но следует отметить тот факт, что у некоторых лингвистов глаголы направленного движения попадают в разные группы [Pollak 1920]. Так, в работе Г. Поллака на с. 391 глагол *verfliegen* относится к перфективным, на с. 397 глаголы *weggehen, ausfahren, vorfahren* – к терминативным, которые занимают у Г. Поллака примерно то же место, что у отечественных лингвистов занимают нейтральные глаголы. У О.П. Мартьяновой глагол *aufgehen* также относится к нейтральным глаголам.

б) К предельным переходным глаголам мы также относим глаголы изменения состояния, т.е. глаголы типа *altern, sinken, erstarren, versteinern*. К этим глаголам, особенно бесприставочным, у зарубежных лингвистов особый подход. Многие авторы относят эти глаголы к ингрессивным (начинательным); Г. Поллак [Pollak 1920: 391], О. Бехагель [Behagel 1924: 402] выделяют их в специальную группу мутативных глаголов. Мы считаем, что у глаголов типа *faulen, altern*, отношение к пределу выражено менее ярко, чем у глаголов направленного движения (глаголов типа *kommen*). Но все же мы можем в каждый отдельный момент протекания действия глаголов *altern, faulen, sinken* отметить стремление действия к своему внутреннему пределу. В каждый отдельный момент действие таких глаголов стремится достичь нового состояния, каждое новое состояние приближает субъект действия к конечному пределу действия, к полному его исчерпанию. Лингвисты, рассматривающие глаголы типа *altern* в качестве непредельных глаголов, с одной стороны, отмечают, что основой значения этих глаголов является постоянное изменение, постоянный переход из одного состояния в другое, но, с другой стороны, они не видят качественного характера этого изменения. Мы считаем, что глаголы изменения состояния, т.е. глаголы типа *altern, faulen* выражают предельность действия, но стремление к пределу у этих глаголов выражено менее ярко, чем у глаголов направленного движения.

в) К предельным переходным глаголам следует также отнести глаголы типа *gelingen, misslingen, glücken*. Эти глаголы мы можем охарактеризовать как глаголы удачного или неудачного протекания действия. В отношении предела действия эти глаголы выражают стремление действия к полному (удачному или неудачному) исчерпанию какого-нибудь явления, поступка (субъект действия в таких случаях, как правило, выражается отглагольными существительными). Глаголы этой группы весьма малочисленны.

г) Еще следовало бы выделить небольшую группу переходных глаголов со значением начинательной предельности. К этой группе можно было бы отнести глаголы типа *erhalten, erschallen, ertönen*. Но в отношении этих глаголов следует проявлять осторожность при отнесении их к глаголам предельным, так как глаголы *erhalten, erschallen, ertönen* могут употребляться и со значением непредельных глаголов, со значением просто звучания без ссылки на начало состояния звучания. Здесь мы имеем дело с многозначностью глаголов. С многозначностью же глаголов в некоторой степени связан нейтральный аспект переходных глаголов, к рассмотрению которого мы и переходим.

2) Нейтральные переходные глаголы

Нейтральность действия по отношению к своему внутреннему пределу проявляется в том, что, с одной стороны, действие может выражать стремление к достижению предела, с другой стороны, может терять хотя бы малейший намек на этот предел.

Сюда следует отнести такие глаголы ненаправленного движения, как *gehen, laufen, reiten, schwimmen*. Двужначность этих глаголов связана с возможностью двоякого восприятия значения глаголов *gehen, laufen* и т. п. как действия направленного и как действия ненаправленного. При этом следует подчеркнуть, что значения направленного и ненаправленного действия не следует смешивать с подвидами русского несовершенного вида, а именно со значением определенности (им обладают глаголы *лететь, плыть, ехать*) и значением неопределенности (им обладают глаголы *летать, плавать, ездить*). Вся суть в том, что при русских определенных глаголах мы имеем дело с внешней направленностью действия [*он идет (шел) в город*], а у глаголов типа *gehen* мы имеем дело не с внешним пределом действия, а с внутренним. Так, если мы говорим *Er ging in die Stadt*, то глагол *gehen* не обязательно должен выражать внутреннюю направленность действия, так как это предложение может быть эквивалентно двум предложениям: *Er war unterwegs in die Stadt* и *Er ging in die Stadt hin*. В первом случае мы имеем дело с неопределенным значением глагола *gehen*, несмотря на наличие внешнего предела в виде обстоятельства места, во втором случае с предельным значением, так как предел понимается как нечто, заключенное в семантике самого глагола. Является ли тот или иной непереходный глагол нейтральным или предельным, мы можем определить и вне контекста, взяв глагол, например, в словаре. Но предельное и неопределенное значение нейтрального глагола выявляется только в общем контексте. Так, в следующем отрывке контекст свидетельствует о том, что нейтральный глагол *gehen* выступает с предельным значением: *Ein paar Vögel schwatzten, und das leise Rauschen der Bäume vermischte sich mit dem des Meeres, das sich dort tief unten ausbreitete und in dessen Ferne das Takelwerk eines Schiffes zu sehen war... Tony erkundigte sich: "Kommt der oder geht er"... "Geht! Das ist der. Bürgermeister Steenbock, der nach Rußland fährt"* (Th. Mann. "Buddenbrooks"). Интересно, что в этом же отрывке содержится другой нейтральный глагол (*fahren*), и несмотря на то, что при глаголе *fahren* мы имеем обстоятельство — *nach Rußland*, этот глагол воспринимается как неопределенный, как имеющий значение "auf der Fahrt sein".

Глагол же *gehen* воспринимается как предельный в связи с тем, что действие этого глагола противопоставляется действию предельного глагола *kommen*. Большинство отечественных лингвистов относят глаголы типа *gehen, laufen* к нейтральным. Но в отличие от нашей точки зрения эти исследователи видят в обстоятельствах направления движения внешний предел, способный превратить нейтральный глагол в предельный глагол. В зарубежной лингвистике вопрос отнесения глаголов типа *gehen, laufen* к той или иной семантической группе считается весьма дискуссионным. Так, В. Штрайтберг [Streitberg 1896] не относит глаголы типа *gehen, laufen* ни к перфективным (совершенным), ни к дуративным (несовершенным) глаголам. По мнению Г. Поллака [Pollak 1920: 399–401] глаголы такого типа следует относить к терминативным (как мы уже указывали выше, под терминативностью Г. Поллак понимает нечто сходное с тем, что мы понимаем под нейтральностью). По-разному относятся зарубежные германисты также к вопросу о внешнем и внутреннем ограничении действия глаголов типа *gehen, laufen*. В. Штрайтберг не усматривает в предложениях: *Ich fahre nach Rom, Ich gehe in die Kirche* ничего другого, как "Ich bin auf der Reise nach Rom" и "Ich bin auf dem Wege in die Kirche". В. Штрайтберг подчеркивает, что для него обстоятельства *nach Rom* и *in die Kirche* не означают ничего другого, как направление движения и ни в коем случае не цель действия. Г. Поллак считает, напротив, обстоятельства направления движения одновременно и целью движения. Мы уже выше высказывали свою точку зрения в отношении роли внешнего и внутреннего предела для нейтральных глаголов. Важно еще подчеркнуть, что внутренний пространственный предел может быть особенно четко выражен через приставки, бесприставочные нейтральные глаголы чаще употребляются с неопределенным значением. Таким образом, нейтральные непереходные глаголы, можно сказать, тяготеют по своему обычному употреблению к сфере неопределенных глаголов. Осо-

бенно четко тяготение этих глаголов к неопределённым глаголам проявляется при образовании причастий II. Как известно, от нейтральных непереходных глаголов не образуется атрибутивное причастие II.

3) Непределённые непереходные глаголы

Среди глаголов этой группы следует, по нашему мнению, различать глаголы бытия и состояния.

а) К глаголам бытия мы относим глаголы типа *sein, liegen, stehen, sitzen, hängen*, т.е. глаголы, обозначающие наличие, местоположение лица или предмета. Глаголы данной группы однозначны в своем отношении к пределу. Эти глаголы обозначают длительное состояние, не ограниченное никаким пределом. Нам могут возразить, что глаголы этого типа могут в определенном контексте обозначать ограниченность действия, являясь эквивалентами русских совершенных глаголов ограничительного подвида. Так, если мы возьмем предложение: *Er saß eine halbe Stunde, dann ging er weg*, то в русском предложении мы, конечно, будем иметь глагол совершенного вида: "Он посидел полчаса, затем ушел", так как глагол *posidel* связан по своей префиксальной форме с категорией совершенного вида. По своему же категориальному содержанию эта форма как в немецком, так и в русском языке связана не с внутренним качественным ограничением действия, а с внешней границей этого действия. Ведь если вдуматься в фактическое положение вещей, то ни одно действие не может продолжаться до бесконечности. Если мы и говорим о неограниченном действии, то нужно думать, что эта неограниченность является относительной. Обычно мы не подчеркиваем ограниченность несовершенного действия (в немецком языке неопределённости) какими-нибудь временными рамками. Когда же мы хотим ограничить протекание несовершенного действия каким-нибудь отрезком времени, то в русском языке мы употребляем *posidet, prosidet час, polezhat, prolezhat час, postoyat, prostoyat час*. В немецком языке мы не имеем специальной формы для выражения ограниченного неопределённого действия. Ограниченность действия выводится из всего контекста предложения, а действие так и остается неопределённым. В качестве доказательства неопределённости такого действия мы хотим обратить внимание на тот факт, что действие во всей своей длительности до пресечения его внешней границей времени остается однородным, в качестве действия ничего не изменяется. Следует подчеркнуть, что глаголы бытия, т.е. глаголы типа *stehen, liegen, hängen* наиболее последовательно выражают значение неопределённости.

б) К глаголам физического состояния мы относим глаголы типа *blitzen, glänzen, summen, klingen, schallen*. Глаголы состояния могут иногда выступать во втором своем значении, а именно в значении начинательной предельности. Глаголы типа *klingen, schallen*, обозначающие состояние звучания, могут выступать в определенном контексте синонимами к префиксальным образованиям *erklingen, erschallen* и т.п.

Рассмотрев все непереходные глаголы, мы можем отметить, что среди них есть семантические группы, четко выражающие свое отношение к пределу действия (глаголы направленного действия, например, *kommen*; глаголы удачи, неудачи, например, *gelingen* – для предельного действия; глаголы бытия *sein, stehen* – для неопределённого действия), но часть глаголов (глаголы изменения состояния, например, *altern*, глаголы ненаправленного движения, например, *gehen*) выражают свое аспектное значение менее четко. Глаголы же начинательной предельности (например, *erschallen*) и глаголы состояния (например, *schallen*) выражают довольно нечетко свое отношение к внутреннему пределу и иногда могут употребляться как синонимами.

Среди переходных глаголов мы также можем выделить предельные, нейтральные и неопределённые глаголы. Внутри каждой семантической группы так же, как и

среди непреходных глаголов, мы не можем не заметить более мелкие лексические группы глаголов, при этом у одних глаголов отношение к внутреннему пределу проявляется более четко, у других аспектное значение можно определить с большим трудом. Для переходных глаголов мы можем предложить два критерия для определения аспекта. Первым критерием является значение стремления действия к своему внутреннему пределу. Внутренним пределом переходных глаголов, в отличие от непреходных, является не стремление к внутренней цели движения или к новому состоянию, а стремление к полному исчерпанию действия. Вторым критерием может служить степень охвата действием лица или предмета, являющегося прямым дополнением в предложении. На важность связи глагола с прямым дополнением для определения аспектов немецкого глагола указывали некоторые отечественные и зарубежные лингвисты [Гейн 1948: 208; Jakobsohn 1933: 297–302; Wustmann 1894: 5]. Мы понимаем связь действия со своим прямым объектом как полный или частичный охват действием объекта. При разделении переходных глаголов на предельные, непреходные, нейтральные мы можем проследить взаимодействие упомянутых выше критериев. Так, у предельных глаголов мы имеем стремление действия к своему собственному исчерпанию и одновременно значение полного охвата действием своего прямого дополнения. Предельные переходные глаголы не могут употребляться с дополнением частичности. Нельзя сказать: *Er bringt (brachte) an einem Buch, Er nimmt (nahm) an einem Buch, Er gibt (gab) an einem Buch, Er verläßt (verließ) an dieser Stadt*. Если же мы возьмем нейтральные глаголы, то стремление к внутреннему исчерпанию действия может содержаться в семантике глагола, но это значение может и отсутствовать. Основным критерием нейтральности аспектного значения переходного глагола может служить тот факт, что наряду с полным охватом действием своего объекта возможен также и частичный охват, как это имеет место в следующем ниже примере: *"Die Burschen traten in der Tat recht anmaßend auf", sagte er, fast nicht verständlich, während er an der Virginia zog* (B. Kellemann. "Totentanz").

Основную массу нейтральных глаголов можно употребить с объектом частичности. Так, можно сказать: *Er baut (baute) an einem Haus, Er isst (aß) an einem Fisch, Er trinkt (trank) an einem Glas Bier, Er schleift (schliff) an einem Detail, Er gräbt (grub) an einem Graben* и т.п. Для непреходных глаголов характерно отсутствие стремления действия к своему исчерпанию. Отсутствие значения внутреннего предела у переходных глаголов, полная однородность действия от начала до конца является характерной чертой семантики этих глаголов. В отношении охвата непреходным действием прямого дополнения можно сказать, что этот критерий у непреходных глаголов совпадает с предельными глаголами. С непреходными глаголами, как и с предельными, не употребляются дополнения частичности. Так, нельзя сказать: *Er liebte an seinem Kind, Er erwartete an einen Zug, Er haßte an seinem Feind* и т.п. Возможность употребления с нейтральными глаголами объекта частичности, выраженного предложным дополнением, связана в большой мере с менее ярко выраженной переходностью этих глаголов, с возможностью для большинства нейтральных глаголов употребления без прямого дополнения, т.е. в непреходном значении (например, можно употребить: *Er las viel, er aß viel, er baute viel*). В отличие от нейтральных глаголов предельные глаголы, как правило, не могут употребляться без прямого объекта. В отношении же непреходных глаголов этот критерий оправдывает себя не всегда, т.к. некоторые непреходные глаголы, как и нейтральные, могут употребляться без прямого дополнения (например, можно сказать: *Er liebte, Er haßte*).

Пользуясь приведенными критериями, мы можем определенное количество переходных глаголов распределить по группам предельных, непреходных, нейтральных глаголов. Но мы еще раз хотим подчеркнуть, что среди каждой группы есть глаголы, четко проявляющие свой аспектный характер и глаголы, аспектный характер которых определяется с трудом. Мы вполне согласны с Х. Линдротом, когда он пишет о том, что выработать принципы классификации по аспектам (по терминологии

Х. Линдрота – "Aktionsarten") гораздо легче, чем провести разделение всех без исключения глаголов по аспектным группам.

Рассмотрим более подробно семантический состав предельных, нейтральных и непредельных переходных глаголов.

1) Предельные переходные глаголы

Среди предельных переходных глаголов мы выделяем:

а) глаголы внешнего воздействия (глаголы типа *bringen, nehmen, geben*) и

б) глаголы внутреннего воздействия (под глаголами внутреннего воздействия мы понимаем не только те глаголы, которые вызывают в объекте изменение внутреннего состояния, например, *zerfetzen, vernichten, erfrischen*, но и те глаголы, которые вызывают в объекте изменение внешнего состояния, например *schmücken*). В отличие от глаголов внутреннего воздействия, глаголы внешнего воздействия не оставляют в объекте никаких следов. Так, если мы скажем *Ich nahm ein Buch*, то тем самым мы не подвергаем объект никакому изменению: книга остается в том же состоянии. Можно, конечно, было бы дать глаголам типа *zerfetzen, vernichten, schmücken* наименование типа "глаголы изменения состояния", но чтобы избежать смешения в терминах с глаголами типа *sterben, altern, erstarren*, которые мы уже называли глаголами изменения состояния, мы наряду с наименованием "глаголы внешнего воздействия" сохраняем наименование "глаголы внутреннего воздействия" (ср. *zerfetzen, vernichten* и др.). У глаголов первой группы предельность проявляется с большей четкостью, чем у глаголов второй группы. В этом отношении мы можем сопоставить группу переходных глаголов внешнего воздействия с группой непереходных глаголов направленного движения (глаголами типа *kommen, aufstehen*), глаголы внутреннего воздействия с глаголами изменения состояния (глаголами типа *sterben, erstarren, altern*). У глаголов типа *zerfetzen, vernichten, erfrischen* при быстром характере протекания действия мы имеем довольно четко выраженную предельность, при длительном – некоторую неопределенность в выражении отношения действия к пределу. При длительном характере действие глаголов типа *zerfetzen, vernichten* вызывает картину более или менее постепенного перехода объекта из одного состояния в другое. При длительном протекании действия глаголов типа *zerfetzen* мы имеем в отдельные моменты дело, можно сказать, с частичным охватом действием своего прямого дополнения.

2) Нейтральные переходные глаголы

Среди нейтральных переходных глаголов можно выделить также

а) глаголы внешнего и

б) глаголы внутреннего воздействия.

Глаголы типа *prüfen, revidieren, besprechen* мы относим к глаголам внешнего воздействия. Глаголы же типа *bauen, graben, schleifen* мы рассматриваем как глаголы внутреннего воздействия. Несмотря на важность критерия частичного охвата действием прямого дополнения, можно сказать, что не для всех случаев этот критерий является ведущим. Так, для глаголов внутреннего воздействия, как правило, возможно употребление с объектом частичности (*an einem Haus bauen, an einem Graben graben, an einem Detail schleifen, an einem Stück Papier schneiden*).

Для нейтральных глаголов внешнего воздействия (глаголов типа *lesen, prüfen, revidieren, besprechen*) употребление объекта частичности иногда является затруднительным. Чаще значение частичности выражается не через объект, а через обстоятельство места. Например, можно сказать: *im Buch lesen, im Buch prüfen*. Правда, возможно и употребление *an Kenntnissen prüfen, im Buch revidieren*. Глагол же типа *besprechen* не допускает превращения прямого дополнения в предложное дополнение.

ние частичности. (Невозможность употребления предложного дополнения частичности при глаголе *bespochen*, видимо, связано с большой транзитивирующей силой приставки *be-*.) Сравнивая состав семантических групп предельных и нейтральных глаголов, мы можем прийти к выводу, что он имеет много общего. И среди предельных, и среди нейтральных глаголов различаются глаголы внешнего и внутреннего воздействия. Правда, для предельных глаголов действителен критерий стремления действия к своему пределу и полный охват действием прямого дополнения, для нейтральных же глаголов отношение действия к своему внутреннему пределу выступает в недифференцированном виде, основным критерием нейтральности служит возможность восприятия действия как охватывающего только частично свое прямое дополнение. (Здесь можно было бы говорить о интранзитивном употреблении этих глаголов, т.к. при восприятии частичного охвата действием объекта мы имеем вместо прямого дополнения предложное дополнение.) Среди предельных глаголов можно было бы также отметить группу глаголов, где отношение к пределу действия выступает недостаточно четко, а объект действия, если и охватывается этим действием полностью, то не сразу, а постепенно. К таким переходным случаям можно отнести предельные глаголы внутреннего воздействия, в первую очередь беспрефиксальные (типа *brechen, reißen*). Вообще, следует подчеркнуть, что среди переходных глаголов нейтральные глаголы обнаруживают больше сходства с предельными, чем с непредельными глаголами.

3) Непредельные переходные глаголы

Непредельные переходные глаголы (типа *lieben, halten, tragen*) составляют особую от других глаголов и довольно однородную по составу группу. Глаголы этой группы выражают длительное, приближающееся по своему значению к состоянию, действие. Это действие охватывает свой объект полностью, но не выражает никакого отношения к пределу действия. (Конечно, в составе фразеологических сочетаний глаголы типа *tragen, halten* могут приобретать значение предельности – например, в составе словосочетания *zur Schau tragen*.)

Среди возвратных глаголов мы также можем обнаружить предельные, непредельные и нейтральные глаголы. Критерий выделения различных семантических групп, ввиду неоднородности глаголов, понимаемых как возвратные, будет смешанным. Так, предельные глаголы выделяются, главным образом, по принципу выражения изменения состояния, например, глаголы *sich verändern, sich entwickeln* (принцип выделения непереходных глаголов), а нейтральные глаголы – по принципу охвата действием своего объекта, например, *sich waschen, sich kämmen, sich rasieren* (принцип выделения переходных глаголов). Среди непредельных возвратных глаголов мы различаем глаголы состояния по принципу отсутствия у этих глаголов значения стремления состояния к своей кульминационной точке, к своему внутреннему пределу, например, *sich erholen, sich bewegen, sich freuen* (принцип выделения непереходных глаголов).

Несмотря на все трудности разграничения глаголов по аспектам, приводящие к тому, что одни и те же глаголы попадают у различных авторов в различные лексические группы, мы считаем, что деление глаголов по лексическому характеру представляет собой необходимую базу для рассмотрения видового значения немецкого глагола. За последнее время поднимаются голоса за частичный или даже полный пересмотр предельности в германских языках. Так, Б.М. Балин считает необходимым делить немецкие глаголы только на предельные и непредельные глаголы. Л.И. Зильберман также выделяет в своей диссертации фактически только две группы глаголов: предельные и непредельные. Такая точка зрения объясняется слишком грамматикализированным подходом авторов к значению аспектов, рассматриваемых только в контексте.

Думается, что сомнения в целесообразности и в возможности деления глаголов с точки зрения предельности, высказанные некоторыми лингвистами, в значительной мере объясняются тем, что классификация глаголов по признаку предельности проводится обычно только на основании семантического анализа. Между тем, существует и формальный критерий, подтверждающий деление глаголов по признаку предельности: подобно тому, как деление глаголов на переходные и непереходные находит себе и обоснование, и подтверждение в отношении этих групп глаголов к грамматической категории залога, также и деление глаголов по признаку отношения к пределу действия находит свое обоснование и подтверждение в отношении к грамматической категории вида. Вопрос осложняется тем, что личным формам немецкого глагола противопоставление совершенности – несовершенности несвойственно. Не случайно этому моменту и не было уделено достаточно внимания в первых работах о предельности, где вопрос о предельности поднимался в связи с анализом употребления времен [Воронцова 1950–1952; Натанзон 1948]. Однако такой критерий все же существует и для германских языков, если обратиться к системе причастий. Наиболее отчетливо связь между лексическим характером глагола и категорией вида выступает у причастий непереходных глаголов, где возможность самостоятельного употребления причастия полностью определяется предельным или непредельным характером глагола. Так, например, можно образовать соотносительную пару причастий от предельного непереходного глагола *ankommen*: *der ankommende Mensch* – *der angekommene Mensch*, но нельзя противопоставить: *der gehende Mensch* – *der gegangene Mensch*, т.к. причастие II от непредельных и нейтральных глаголов в атрибутивной функции не употребляется. У переходных глаголов картина менее четкая, так как наличие соотносительных форм причастия I и причастия II связано у них в первую очередь с категорией залога. Однако у переходных глаголов, как правило, в системе причастий наблюдается также и четкая видовая дифференциация. Например: *der vernichtende Blick* – *das (längst) vernichtete Opfer*; *der einladende Hausherr* – *die (eben) eingeladenen Damen*. Если для залоговой дифференциации основой служит значение переходности, то для видовой дифференциации (правда, менее развитой и менее четкой) основой служит значение предельности. Отечественные германисты, внесшие определенный вклад в разработку этой теории, понимают "аспект" как абстракцию более высокого порядка, чем это есть на самом деле, что приводит к излишней грамматикализации лексического характера протекания действия. Другим существенным недостатком теории предельности мы считаем недостаточную разработанность в ней вопроса о критерии подразделения глаголов на предельные, непредельные, нейтральные. Мы предлагаем считать аспект чисто лексическим понятием, допускающим значительную нечеткость в распределении глаголов по группам, допускающим определенное количество переходных случаев среди предельных, нейтральных и непредельных глаголов. Мы также считаем, что нельзя выдвинуть единого критерия для подразделения на группы всех глаголов. Так, для непереходных глаголов основным критерием для выделения глаголов предельных, непредельных, нейтральных является отношение к цели действия или состоянию. Для переходных глаголов можно наметить два критерия. Первым критерием является отношение к моменту своего полного исчерпания. Вторым критерием является полный или неполный охват действием своего объекта. Второй критерий особенно важен для определения нейтральных глаголов.

При классификации глаголов на предельные, непредельные и нейтральные следует учитывать отношение этих глаголов к видовым противопоставлениям в системе глагола для немецкого языка, в частности в системе причастий. С одной стороны, видовое значение причастий может служить средством формального подтверждения того или иного аспекта глагола. С другой стороны, при исследовании видового значения причастий следует основываться на аспектном значении глагола.

4. Способы глагольного действия (акциональность)

Даже при строгом противопоставлении в рамках аспектуальности совершенного и несовершенного вида в русском языке присутствует широкая система способов глагольного действия, которые зачастую пересекаются с русскими видами и которые придают русской речи особый колорит, иногда трудно переводимый на другие языки. Способами глагольного действия условно называются семантические группировки глаголов, выделенные по признакам: протекания действия во времени (начинательные, ограничительные, финитивные, инхоативные); отношения к достижению результата действия (собственно результативные, завершительные, накопительные, терминативные, распределительные); интенсивности действия; кратности действия (многократности и однократности); уменьшительности, усилительности и смягчительности действия, выражения состояния (статальная группировка). Эти семантические группировки перекрещиваются с видами, вступая с ними во взаимодействие. Например: глаголы начинательного, финитивного и ограничительного способов действия в большинстве своем являются глаголами только совершенного вида; глаголы статального способа действия являются глаголами только несовершенного вида. В то же время многие способы действия допускают наличие видовых пар глаголов, например, начинательные: *запеть* – *запевать*; финитивные: *отцвести* – *отцветать*. Способы действия могут или выражаться формально, при помощи префиксации и суффиксации, или могут быть формально не выражены. Подробнее см. о способах глагольного действия в русском языке в "Грамматике современного русского литературного языка" [ГСРЛЯ 1970: 346–350] в которой рассмотрено 24 способа действия русского глагола.

В немецком языке мы имеем также проявление способов глагольного действия, акционсартов (Aktionsarten), акциональности (по терминологии С.Г. Андерссона), но представлены они меньшим количеством типов. Согласно исследованию В. Шмидта в немецком языке можно отметить 9 акционсартов (способов глагольного действия). Это эгрессив, ингрессив, результатив, дуратив, инхоатив, мутатив, фреквентатив, каузатив, интенсив. К этим девяти способам действиям добавляется десятый – эффектив. Как показало исследование в рамках моей докторской диссертации, это акциональное значение устанавливается у некоторых типов глаголов, например, у глаголов, образованных с помощью наречий – приставок типа *hinaus / heraus*, и орнативных глаголов типа *versilbern, vergolden* [Рахманкулова 1974: 248–273].

Способы глагольного действия в немецком языке в большей мере связаны с категорией предельности – неопределенности, чем русские способы глагольного действия, которые все-таки в основном опираются на грамматическое противопоставление совершенный вид – несовершенный вид. Таким образом, эгрессив, ингрессив, результатив, инхоатив, каузатив, интенсив, эффектив всегда выражают предельность; дуратив, мутатив, фреквентатив относятся к сфере выражения неопределенности. Элементы систем акциональных отношений в русском и немецком языках входят в строй обоих языков в зависимости от "силы" оппозиции совершенный вид – несовершенный вид, предельность – неопределенность. На фоне видов русского языка способы глагольного действия тяготеют больше к своей лексико-семантической сущности. В немецком же языке способы глагольного действия на фоне предельного и неопределенного аспектов обладают более абстрактным содержанием, чем способы глагольного действия в русском языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы попытались претворить в жизнь предложение Й.Л. Вайсгербера, заключающееся в том, что, прежде чем иметь право говорить о наличии в немецком языке противопоставлений по виду, аналогичному противопоставлению двух видов (совер-

шенного и несовершенного) в славянских языках надо "перелопатить" (durchstöbern) весь строй (Sprachbau) немецкого языка.

Попытка опереться на крупные авторитеты в области изучения аспектуальности (К. Бругман, Б. Дельбрюк, В. Штрайтберг, А.В. Бондарко и Б.М. Балин) выявила только полную зависимость точек зрения германистов от воззрений аспектологов-славистов. Даже выход в контекст, привлечение параллельных конструкций, расширенного контекста в рамках лингвистики текста (школа Б.М. Балина) не дают положительного ответа относительно наличия вида в немецком языке. Здесь скорее решается вопрос о возможности перевода с русского языка на немецкий в свете теории относительности Сепира–Уорфа.

И все-таки исследователи второй половины прошлого столетия показали, что в немецком языке есть "островки" проявления настоящих видовых противопоставлений. Пока можно отметить два таких небольших раздела в грамматике немецкого языка: это противопоставление причастия I и причастия II от предельных непереходных глаголов: *der ankommende Zug* – *der angekommene Zug* и употребление инфинитива I и инфинитива II в обороте с *ohne... zu*: *Ohne ein Wort zu sagen, ging er weg; Ohne ein Wort gesagt zu haben, ging er weg.*

В основном, при просмотре большого корпуса примеров (100.000 карточек из картотеки словаря Р. Клаппенбах) можно было обнаружить только проявление способов глагольного действия (акционсартов): эгрессива, ингрессива, результатива, инхоатива, дуратива, мутатива, фреквентатива, каузатива, интенсива и эффективта. Так, исследования автора показали, что только четыре лексико-семантических группы глаголов, а именно 1) глаголы ориентированного местоположения субъекта в пространстве; 2) глаголы ориентированного перемещения объекта в пространстве; 3) глаголы перемещения субъекта в пространстве (глаголы движения); 4) глаголы абстрактной деятельности дают 152 случая проявления способов глагольного действия. Например, в модели предложения: *Er liegt sich müde* мы имеем значение результатива; *Es setzt Stiche; Es setzt Tote* также значение результатива. А в модели предложения *Er tut dichten* – значение дуратива. В системе моделей предложения, где глагол обладает способностью проявлять какой-нибудь способ глагольного действия, можно сделать даже некоторые гипотетические наметки. Так, наряду с *Er liegt sich müde* возможны употребления *Er sitzt sich müde; Er steht sich müde*, но невозможны *Er hängt sich müde; Er steckt sich müde.*

Если взять еще восемь основных лексико-семантических групп глаголов (глаголы конкретной деятельности, глаголы мыслительной деятельности, глаголы речевой деятельности, глаголы зрительной деятельности, глаголы слуховой деятельности, глаголы проявления чувств и эмоций, глаголы проявления отношений, глаголы передачи предметов и информации), то они могут дать еще 300 моделей предложений, где финитный глагол проявляет один из 10 способов глагольного действия. Причем, следует учитывать, что в рамках структурно-функциональных моделей предложения (СФМП) как правило, проявляются акциональные значения. Возможно, конечно, выражение и других дополнительных значений, например модальных. Однако последние выражаются в рамках СФМП весьма редко. При рассмотрении вышеупомянутых четырех лексико-семантических групп глаголов было обнаружено на 152 случая акционального значения только четыре случая проявления модального значения. Существуют также такие случаи проявления способов глагольного действия, как употребление приставочных глаголов. Так, мы можем сравнить глаголы *bauen* и *erbauen*, когда второй глагол выражает значение результатива. Как известно, в аналитических глагольно-именных словосочетаниях типа *zum Ausdruck bringen, zum Ausdruck kommen* выражаются также акциональные значения. В структурно-функциональных моделях предложения с глаголами, образованными при помощи наречий – приставок типа *heraus / hinaus* проявляется акциональное значение эффективта. Все средства выражения акциональности в немецком языке не носят системного харак-

тера но, выступая в определенном контексте, они все-таки обнаруживают основные оттенки противопоставления по линии совершенности – несовершенности

Таким образом, мы приходим к той точке зрения, что способы глагольного действия в русском языке служат скорее возможности проявления нюансированности лексического значения, а в немецком языке способы глагольного действия (акционсарты) являются базой для контекстуального проявления совершенности – несовершенности через предельность – неопределенность Это вытекает из четкой логики подразделения всех немецких способов глагольного действия на средства выражения предельности и неопределенности

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адмони 1955 – В Г Адмони Введение в синтаксис современного немецкого языка М, 1955
Аксаков 1855 – К Аксаков О русских глаголах М, 1855
Арзуманова 1954 – Н В Арзуманова Атибутивное употребление причастий в немецком и русском языках // Труды ВИИЯ М, 1954
Балин 1955 – Б М Балин О роли словосочетаний и контекста в разграничении способов протекания действия в современном немецком языке Дис канд филол наук Л, 1955
Балин 1969 – Б М Балин Соотношение основных понятий аспектологии // Вопросы романо-германского языкознания Вып 3 Челябинск, 1969
Бархударов 1956 – Л С Бархударов Журнал “Иностранные языки в школе” в 1953–1954 гг (Обзор статей по вопросам языкознания) // ВЯ 1956 № 1
Белостоцкая, Мазурская 1949 – О М Белостоцкая Е И Мазурская Учебник немецкого языка для ВУЗов заочного обучения Ч II М, 1949
Богородицкий 1935 – В А Богородицкий Общий курс русской грамматики М, Л, 1935
Бондарко 1971 – А В Бондарко Вид и время русского глагола (Значение и употребление) М, 1971
Бондарко 1983 – А В Бондарко Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии Л, 1983
Булаховский 1952 – А А Булаховский Курс русского литературного языка Т 1 Киев, 1952
Виноградов 1947 – В В Виноградов Русский язык М, Л, 1947
Воронцова 1950–1952 – Г Н Воронцова Значение перфекта (Present Perfect) в современном английском языке Дис докт филол наук М, 1950–1952
Востоков 1891 – А Х Востоков Сокращенная русская грамматика М, 1891
Гадд, Браве 1947 – Н Г Гадд Л Я Браве Грамматика немецкого языка / Под ред акад Щербы М, 1947
Гейн 1948 – Н В Гейн Функции неотделимых приставок в современном немецком языке Дис канд филол наук М, 1948
ГРЯ 1953 – Грамматика русского языка Т 1 Фонетика и морфология М, 1953
Гухман 1955 – М М Гухман Развитие залоговых противопоставлений в древних германских языках и становление системы форм страдательного залога Дис докт филол наук М, 1955
ГСРЛЯ 1970 – Грамматика современного русского литературного языка Изд АН СССР М, 1970
Жирмунский 1948 – В М Жирмунский История немецкого языка М, 1948
Зильберман 1956 – Л И Зильберман Категория предельности и семантика наречных частиц в глагольных образованиях типа *to go out* в современном английском языке Дис канд филол наук М, 1956
Зиндер, Строева-Сокольская 1941 – Л Р Зиндер, Т В Строева-Сокольская Современный немецкий язык Л, 1941
Кавецкая 1955 – Р К Кавецкая Категория вида в действительных причастиях // Труды историко-филологического факультета Воронежского государственного университета Т 39 Воронеж, 1955
Коленко 1951 – Е А Коленко Конструкция *sein* с причастием II в современном немецком языке Дис канд филол наук М, 1951
Маковский 1955 – М М Маковский Функции и значения глагольного префикса *ga-* в готском языке Дис канд филол наук М, 1955

- Маковский 1959 – *М М Маковский* К проблеме вида в готском языке // Уч зап МГПИИЯ Т XIX М, 1959
- Мартынова 1953 – *О П Мартынова* Место причастия II в грамматической системе современного немецкого языка Дис канд филол наук М, 1953
- Маслов 1948 – *Ю С Маслов* Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // ИАН ОЛЯ 1948, 4
- Маслов 1948 – *Ю С Маслов* Из истории второго причастия германских языков // Язык и мышление XI М, Л, 1948
- Маслов 1955 – *Ю С Маслов* О своеобразии морфологической системы глагольного вида в современном болгарском языке // Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР Вып 15 М, 1955
- Натанзон 1948 – *М Д Натанзон* Относительное употребление времен в современном немецком языке (Употребление плюсквамперфекта) Дис канд филол наук М, 1948
- Натанзон 1950 – *М Д Натанзон* Употребление плюсквамперфекта // ИЯШ 1950 № 3
- Николич 1845 – *Н Николич* Опыт пояснения видов русских глаголов Дерпт, 1845
- Некрасов 1865 – *Н Некрасов* О значении форм русского глагола СПб, 1865
- Павский 1850 – *Г Павский* Филологические наблюдения над составом русского языка Рассуждение третье О глаголе СПб, 1850
- Пачковский 1955 – *В С Пачковский* Проблема взаимосвязи между выражением способов протекания действия и управлением глаголов в современном немецком языке Дис канд филол наук Львов, 1955
- Потебня 1968 – *А А Потебня* Из записок по русской грамматике Т IV М, 1968
- Размусен 1891 – *Л П Размусен* О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках // Журнал Министерства просвещения СПб, июль 1891
- Рахманкулова 1974 – *И С Рахманкулова* Исследование семантики немецких глаголов в рамках структурно-функциональных моделей предложения Дис докт филол наук М, 1974
- Ревзин 1950 – *И В Ревзин* Первопричастный оборот и его грамматические и лексические эквиваленты в современном немецком языке Дис канд филол наук М, 1950
- Роганова 1953 – *З Е Роганова* Перевод видовых форм русского языка на немецкий язык Дис канд филол наук М, 1950
- Ромм 1951 – *З М Ромм* Категория вида и семантика глагольных приставок в современном немецком языке Дис канд филол наук М, 1951
- Смирнова 1954 – *Н В Смирнова* Причастия в современном немецком языке (Самостоятельное употребление причастий I и II и возможность перехода слов из категории причастий в состав других частей речи) Дис канд филол наук М, 1954
- СРЯ 1952 – Современный русский язык Морфология (Курс лекций под ред В В Виноградова) М, 1952
- Файнштейн 1953 – *Л С Файнштейн* Обособление имени прилагательного и причастия в немецком языке Дис канд филол наук Л, 1953
- Черный 1877 – *Э Черный* Об отношении видов русских глаголов к греческим временам СПб, 1877
- Чуваева 1950 – *В Г Чуваева* Синтаксическая функция причастных оборотов в современном немецком языке Дис канд филол наук М, 1950
- Шафранов 1852 – *С Шафранов* О видах русских глаголов в синтаксическом отношении М, 1852
- Шендельс 1952 – *Е И Шендельс* Грамматика немецкого языка М, 1952
- Эрлих, Тримм, Вольф, Бергман 1949 – *Э Эрлих, А Тримм, Л Вольф, Ф Бергман* Учебник немецкого языка для ВУЗов М, 1949
- Andersson 1972 – *S G Andersson* Aktionsart im Deutschen Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem Uppsala, 1972
- Becker 1841 – *K F Becker* Organism der Sprache Frankfurt-am-Main, 1841
- Behaghel 1924 – *O Behaghel* Deutsche Syntax Bd II Heidelberg, 1924
- Belč 1924 – *A Belč* Zur slavischen Aktionsart // Streitberg Festsgabe Heidelberg, 1924
- Blatz 1896 – *F Blatz* Nhd Grammatik mit Berücksichtigung der historischen Entwicklung der deutschen Sprache Bd II Karlsruhe, 1896
- Brugmann 1904 – *K Brugmann* Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen Straßburg, 1904
- Delbruck 1897 – *B Delbruck* Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen Bd IV Tl II 1897

- Engelin 1902 – *A Engelin* Grammatik der neuhochdeutschen Sprache Berlin, 1902
- Erdmann 1886–1898 – *O Erdmann* Grundzuge der deutschen Syntax nach ihrer geschichtlichen Entwicklung Stuttgart, Gotha, 1886–1898
- Gering 1873 – *H Gering* Über den syntaktischen Gebrauch der Participia im Gotischen Dissert I–II Halle / Saale, 1873
- Guerike 1915 – *I Guerike* Die Entwicklung des altdutschen Participiums unter dem Einfluss des Lateinischen Dissertation Königsberg, 1915
- Grimm 1837 – *J Grimm* Deutsche Grammatik TI IV Göttingen, 1837
- Heinsius 1835 – *Th Heinsius* Teutonisch, oder theoreitisch – praktisches Lehrbuch der gesamten deutschen Sprachwissenschaft Teil I Berlin, 1835
- Herbig 1896 – *G Herbig* Aktionsart und Zeitstufe // IF 16 Bd III–IV Hf Straßburg, 1896
- Heyse 1914 – *J Heyse* Deutsche Grammatik oder Lehrbuch der deutschen Sprache Hannover, Leipzig, 1914
- Jakobson 1933 – *H Jakobson* Aspektfragen // IF Bd 51 Hf IV 1933
- Koschmieder 1929 – *E Koschmieder* Studium zum slavischen Verbalaspekt // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiet der indogermanischen Sprachen Bd 56 1929
- Lehmann 1877 – *A Lehmann* Sprachliche Sünden der Gegenwart Braunschweig, 1877
- Leskien 1914 – *S A Leskien* Grammatik der serbokroatischen Sprache TI 1 Heidelberg, 1914
- Lindroth 1906 – *Hj Lindroth* Zur Lehre von den Aktionsarten // PBB Bd 31 1906
- Matthias 1914 – *Th Matthias* Sprachleben und Sprachschaden Leipzig, 1914
- Michaelis 1922 – *K Michaelis* Neuhochdeutsche Grammatik Hannover, 1922
- Meyer 1928 – *E A Meyer* Ruhe und Richtung, Aktionsart und Satzton im Neuhochdeutschen Marburg, 1928
- Meyer 1906 – *K Meyer* Zur Syntax des participium praesentis im Althochdeutschen Dissert Magdeburg, 1906
- Meyer 1917 – *K H Meyer* Perfektive, imperfektive und perfektische Aktionsart im Lateinischen // Berichte über die Verhandlungen der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig 69 Bd 6 Hf 1917
- Miklosich 1879 – *F Miklosich* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen Bd IV Wien, 1879
- Paul 1905 – *H Paul* Die Umschreibung des Perfekturns in Deutschen mit *haben* und *sein* // Abhandlungen der I Classe der Bayerischen Akademie der Wissenschaften Bd XXII I Abt München, 1905
- Paul 1920 – *H Paul* Deutsche Grammatik Bd IV Halle / Saale, 1920
- Paul, Stolte 1950 – *H Paul H Stolte* Kurze deutsche Grammatik Halle / Saale, 1950
- Pollak 1920 – *H Pollak* Studien zum grammatischen Verbum I Über Aktionsarten // PBB 44 Bd 1907
- Rodenbusch 1907 – *E Rodenbusch* Beiträge zur Geschichte der griechischen Aktionsarten // IF Bd 21 Hf I–II 1907
- Schmidt 1968 – *V Schmidt* Die Streckformen des deutschen Verbums Substantivisch – verbale Wortverbindungen in publizistischen Texten der Jahre 1948 bis 1967 Halle / Saale, 1968
- Spitzbardt 1954 – *H Spitzbardt* Aspekte und Aktionsarten // Für Anglistik und Amerikanistik 1954 № 1
- Streitberg 1891 – *W Streitberg* Perfektive und imperfektive Aktionsart im Germanischen // PBB Bd XV 1891
- Streitberg 1896 – *W Streitberg* Urgermanische Grammatik Heidelberg, 1896
- Streitberg 1907 – *W Streitberg* Zum gotischen Perfektiv // IF Bd XXI Straßburg, 1907
- Sutterlin 1907 – *L Sutterlin* Die deutsche Sprache der Gegenwart Leipzig, 1907
- Sutterlin 1924 – *L Sutterlin* Neuhochdeutsche Grammatik München, 1924
- Vernalecken 1861 – *Th Vernalecken* Deutsche Syntax TI I Wien, 1861
- Willmanns 1906 – *W Willmanns* Deutsche Grammatik Abt 3 Straßburg, 1906
- Wunderlich, Reis 1924 – *H Wunderlich H Reis* Der deutsche Satzbau Stuttgart, Berlin, 1924
- Wustmann R 1894 – *R Wustmann* Verba perfectiva namentlich im Heliand Leipzig 1894